

Психология социального познания в зеркалах «когнитивных революций»

Д.А. ХОРОШИЛОВ*,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com

В статье рассматривается фундирующая для социальной психологии проблема социальной детерминации познания с точки зрения «когнитивных революций» (термин Р. Харре), которые выстроили междисциплинарный диалог между психологией, социальной теорией и историей, нейробиологией и эстетикой. Основным инструментом исследования социального познания — это культурно-исторический анализ социальных представлений о повседневной жизни. В рамках «эстетической парадигмы» (термин Т.Д. Марцинковской) настоящий подход дополняется изучением искусства как «вторичного языка» культуры. Теоретические рассуждения иллюстрируются данными социально-психологических, клинических и художественных исследований массового сознания российского общества начала XXI века. Статья завершается опытом жанрового анализа социального познания: трагедии культуры (Г. Зиммель) и драмы личности (Л.С. Выготский), которые вместе складываются в комедию социальной жизни (А.П. Чехов). В итоге получает обоснование эстетическая концепция социального познания.

Ключевые слова: социальное познание, когнитивные революции, культурно-исторический анализ, эстетическая парадигма.

Психологические концептуализации «социального»

Психология социального познания (social cognition) — это направление исследований, иногда также называемое «парадигмой», которое возникло на междисциплинарных пересечениях феноме-

нологии Э. Гуссерля — А. Шюца, социологии знания К. Мангейма и М. Шелера и когнитивной психологии [2; 54; 56]. Узловая эпистемологическая проблема психологии социального познания заключается в изучении социальной детерминации познания в повседневной жизни. Однако тиражируемое понятие

Для цитаты:

Хорошилов Д.А. Психология социального познания в зеркалах «когнитивных революций» // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 4. С. 55–71. doi:10.17759/sps.2017080405

* Хорошилов Дмитрий Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com

общества вследствие избыточности коннотаций нельзя считать эвристичным в дискуссиях о том, *что же есть социальное в познании*, когда «идея «общества» занимает в социологическом словаре то же место, что и понятие «души» в психологии конца XIX столетия» [10, с. 281].

Вопрос о «социальности» социального познания — читатель простит вынужденную тавтологию, которая является решающей для фокусировки предмета социальной психологии, — может быть уточнен через анализ трех «когнитивных революций» [48] в истории дисциплины, которые обернулись возникновением: 1) *когнитивной науки*, 2) *социального конструкционизма*, 3) *эстетической парадигмы*, задающих различные, но в отдельных моментах комплементарные герменевтики социального. Отчасти их можно сопоставить со сменой парадигм (Т. Кун), идеалов рациональности (М.К. Мамардашвили) или интеллектуальных стилей в психологии (М.С. Гусельцева). Вектор трех когнитивных революций отражает движение *культуральной истории* [7] — переход от изучения репрезентаций социальных явлений к анализу практик их конструирования на языках культуры и искусства.

Первая когнитивная революция — возникновение когнитивной науки, в рамках которой исследования *распределенного, ситуативного* и *социального* познания занимают одно из первостепенных мест [43]. С когнитивной точки зрения «социальное» рассматривается как знание, диалогически разделяемое и распределяемое в межличностных взаимодействиях и коммуникациях и которое имеет вид ментальных репрезентаций (представлений), не только «зеркально» отражающих, но и видоизменяющих информацию. Ментальные представления являются результатом преобразования «внешних воз-

действий на человека и его психических состояний в устойчивые, распознаваемые, воспроизводимые внутренние целостности, соответствующие ситуациям его взаимодействия с окружением» [34, с. 97].

Основной механизм формирования ментальных представлений во взаимодействиях — психофизиологическая персонификация (ментализация), т. е. способность «уточненного» восприятия состояний внутреннего мира окружающих как отличного от их собственного [51, с. 432], и ее результатом является построение «теории» или «модели психического» (Theory of Mind) другого человека. Но в одноименной теории субъект социального познания рассматривается скорее как «носитель» психического, а не как представитель социальной группы [38]. Инструментом ментализации («инструментальная» метафора объясняется далее в свете идей Р. Харре) становится «социальный мозг» — система мозга, которая специализируется на восприятии социальной информации, а не объектов и вещей физического мира [15; 36]. Когнитивная наука определила и другие базовые механизмы познания, к которым относят процессы категоризации, казуальной атрибуции, эвристики и т. д.

Вторая когнитивная революция ознаменована возникновением новой эпистемологии *социального конструкционизма*. Три концепции — социальных представлений С. Московиси, дискурсивной и нарративной психологии — наиболее четко выразили ее анти-менталистский пафос. «Социальное» — не репрезентация «реальности» (лишнее умножение сущностей), а дискурсивная практика, *перформативная* относительно «внутренних» состояний субъекта: согласно К. Гергену, «... конструкционистская метатеория сводит онтологические положения к языку, а язык — к процессам отношения» [14, с. 66].

Впрочем, и современная когнитивная наука ставит под сомнение тезис о ментальных репрезентациях мира, якобы существующего «независимо» от человека, ибо его активное, «деятельное» взаимодействие с социокультурным окружением — неотъемлемая часть когнитивной системы [44].

Р. Харре предлагает амбициозный проект «гибридной психологии» для третьего тысячелетия, интегрирующий обе позиции — конструкционизма и когнитивной науки [58]. Опираясь на идеи Л.С. Выготского, Дж. Брунера и Л. Витгенштейна, Р. Харре утверждает: мозг — это «инструмент», используемый людьми в их деятельности, но при этом личность человека не сводится к нейрокогнитивным процессам; когнитивная активность суть дискурсивная практика, «поток символических взаимодействий», организованный согласно конвенционально разделяемым правилам или «грамматикам»: «личности», «организма», «молекулы», объединение которых и составляет цель науки о человеке [47]. Объединение грамматик возможно благодаря принципу «таксономической первичности», устанавливающему связь между инструментом и задачей в поисках ответа на вопрос о том, «... какие нейронные механизмы и процессы позволяют людям реализовывать проекты, за которые они берутся в повседневной жизни» [48, с. 412]. Р. Харре ратует за союз дискурс-анализа и нейронауки, раскрывающих различные уровни социального познания.

Подведем итоги. В социальной психологии после I и II когнитивных революций сопричастствуют две основные логики объяснения «социального»: 1) через intersубъективные представления, разделяемые и распределяемые во взаимодействиях, 2) через язык (дискурс) — разговорные практики, в которых не репрезентируется, а *конструируется*

социальное знание. Метафора «задача — инструмент», предложенная Р. Харре, а до него — в другом интеллектуальном контексте — Н.А. Бернштейном, оказывается эвристичной при анализе языка как знаковой системы (семиотики), перестраивающей мозговые процессы продуцирования и хранения социальной информации, что уже было показано в нейропсихологических работах А.Р. Лурии. Язык — инструмент культуры, позволяющий мыслить единство биологического и социального в познании. Понятие языка максимально расширяется в современных социальных науках и психологии, что становится эпистемологической предпосылкой *третьей когнитивной революции* — «эстетической», которая, возможно, происходит на наших глазах в начале XXI столетия.

Ее манифест — «эстетическая парадигма», призывающая объединить усилия науки и искусства в исследовании внутренних форм интернализации культуры и ее превращения в координаты персонального (личного) времени и пространства [31]. Эстетическая парадигма исходит из трех допущений: 1) сравнение научных и художественных репрезентаций социальных явлений; 2) использование эстетических категорий в психологическом объяснении («эстетический редукционизм»); 3) поиск новых форм научного письма [50]. Третья когнитивная революция проблематизирует культурно-историческое измерение социального познания, утверждая тезис о его опосредованности языками искусства как «вторичной моделирующей системы» культуры (если воспользоваться терминологией Ю.М. Лотмана). Более того, «социальное» — это особый язык культуры и искусства, складывающийся в истории; понятие культуры здесь — обобщающая категория социальной психологии [41].

Культурно-исторические лабиринты социального познания

Образ лабиринта — одна из важнейших мифологических и эстетических категорий античного мирозерцания и постнеклассического искусства XX столетия. Вся история культуры представляется «... современному сознанию сложнейшим лабиринтом, в котором возможны какие угодно блуждания и перипетии» [9]. Лабиринт Минотавра, построенный афинским художником Дедалом, — загадочный символ ступеней социального развития, разделенных тысячелетиями, но объединенных в триумфе художественно-технического и творческого гения человека над стихийными и темными силами природы [29]. В современных науках о культуре мифологическая интуиция лабиринта оборачивается допущением о языковой опосредованности любого подхода к описанию и объяснению социальных реалий, признается искусственность, сделанность, сконструированность любых дихотомий и бинарных систем [4] (как, например, различие «индивидуального» и «социального» в познании, личности и общества, если речь идет о социальной психологии).

Согласно логике современной культурно-исторической парадигмы в гуманитарных науках, психологические явления следует исследовать во взаимосвязи «... психики (сознания, бессознательного, ментальности), практик (поведения, поступков, деятельности, повседневной жизни) и изменяющихся культурно-исторических и социокультурных контекстов развития» [19]. Данная методологическая позиция реализуется в нейронауке [45] и социологии [26], которые при изучении пластичности мозга / представлений общества о себе самом

так или иначе апеллируют к идее культуры. Культура — символически-смысловой источник познавательной активности — признается «автономной» от не-смысловых факторов, оказывающих влияние на течение социальной жизни, и объясняется «из себя самой» [1]. Следует отметить, что измерения культур (Г. Хофстеде) как психологические единицы анализа их сходств и различий используются для выдвижения гипотез о культурной детерминации развития и функционирования мозга человека [55].

Не вызывает удивления, что психология социального познания сегодня переживает «Ренессанс» концепции Л.С. Выготского. Социальное познание — это *высшая психическая функция*, которая развивается через интериоризацию знаково-символических систем (языка/дискурса) в социальных отношениях. Психологические процессы «... остаются quasi-социальными. Индивидуальное личностное — не contra, а высшая форма социальности» [13, с. 54]. Сказанное означает, что высшая психическая функция остается *интерпсихической* на протяжении всей своей жизни; сам же Л.С. Выготский конкретизирует понимание интерпсихического в ракурсе социального, intersубъективно выражаемого в коммуникации, языке и слове [28].

В двух моделях развития социального познания — филогенетической и онтогенетической, принадлежащих М. Томаселло и Ч. Фернихоу, — на основе идей Л.С. Выготского выделены механизмы совместного понимания ситуации и интенций взаимодействия (кооперативная коммуникация и диалогическое мышление). Понятие культуры как знаковой системы позволяет определить биологические, микро- и макросоциальные факторы детерминации познания, координирующие развитие лич-

ности в ее отношениях с окружением [49]. Культура, следовательно, — это символический инструмент, опосредующий развитие как «приватной» (субъективной), так и «публичной» сферы опыта через процессы интернализации и экстернализации социального знания [61].

Идеологический контекст советской науки 1920-х гг. определил то, что для Л.С. Выготского культура — скорее универсальная коннотация, относящаяся к аксиоматике социокультурной детерминации психических функций, а не к аспектам их исторического наполнения и содержания в разных культурах: «... даже в исследованиях, проводимых Александром Лурия в Узбекистане, Л.С. Выготский и А.Р. Лурия не делали акцент на особенностях узбекской культуры, а исследовали общие пути когнитивного развития» [20, с. 41]. Впоследствии принципиальный тезис об историческом характере когнитивных процессов был конкретизирован в междисциплинарном диалоге психологии и истории, который состоялся только в 1970-е гг. по обе стороны «железного занавеса» — речь идет о статье К. Гергена [57] и сборнике «История и психология» [27], см. также продолжение дискуссий в одноименной англоязычной книге [60].

Историзация психологии — способ осмысления временной динамики социального познания. Культурные формы социального познания — системы представлений об обществе, в котором существует человек (например, магия, мифология и религия, наука и искусство), — производны от повседневности как «верховой смысловой реальности» [52]. История «научилась мыслить социологически», что выразилось в структурировании ее предмета сообразно социальным институтам, социальным группам и социальным практикам [37]. Социальная

психология, определяя собственное дисциплинарное положение в пространстве культуры и истории, изучает различные формы обыденного познания, производимые в институтах — группах — практиках. Теоретической основой историко-психологической компаративистики становится концепция социальных представлений С. Московиси. История эмоций и восприятия [7] прочитывается как история представлений о внутреннем мире человека.

Взаимодействие культуры, истории и психологии раскрывается через понятие ментальности, заимствованное из легендарной школы «Анналов», чьи положения неоднократно обсуждались в научной литературе. «Любая историческая психология, любая история ментальностей — это социальная история, но она касается и истории культуры» [30, с. 295—296]. Несмотря на скептическое отношение многих современных историков к этому понятию, «ментальность» может использоваться для концептуализации «социального воображаемого», т. е. представлений общества о себе самом, коллективных фантазий, иллюзий и заблуждений, которые не просто отражают реальность, но и творчески пересоздают ее [18]. Концепты социального воображаемого (Ж. Дюби), фантазмов (К. Касториadis), той же ментальности и социальных представлений — ключевые для французской интеллектуальной традиции.

Если теперь уместно воспользоваться терминологией А.Н. Леонтьева — Г.М. Андреевой, то можно утверждать, что эти представления об обществе складываются в некий образ социального мира, опосредующий деятельность и общение людей в реальном мире, — общий принцип, заложенный в понятиях социального представления и образа мира, не вызывает

сомнений [2]. Наука социальная психология не только исследует «пристрастность отражения» общества, но также изменяет реалии культуры [3]. Поэтому следует обратить внимание на то влияние, которое теории и практики социальной психологии оказывают на «производство» нового культурного знания, что соответствует пафосу культурно-исторического подхода — анализировать условия рождения концепций психологии, конституирующих определенный тип знания [8].

А вот и элегантная иллюстрация — использование метафоры *зеркала* в истории социальной психологии. В культуре и искусстве XX века зеркало — символ неустойчивости и неопределенности вечно меняющихся изображений самосознания человека [32]. Он проникает в психологические рассуждения Ч. Кули (*зеркальное Я* — представления, почерпнутые из общения с другими людьми, но воспринимаемые при этом как свои личные), Ж. Лакана (*стадия зеркала*, на которой формируется и отчуждается от самого себя субъект как воображаемая инстанция) и даже Л.С. Выготского (сознание — зеркальный «двойник, внутренний собеседник»). В 1990-е гг. зеркало неожиданно как бы помещается внутри мозга, когда возникает гипотеза о зеркальных нейронах [35]. Зеркальные нейроны — «материализация» старинной психологической идеи об антагонистичности и внеположности человека самому себе, что, по мнению Ч. Кули, Ж. Лакана и Л.С. Выготского (при известном различии теоретических позиций), является решающей предпосылкой развития самосознания.

Способность создавать и разрушать разные образы Я, потенциальные возможности и опасности которой осмысляются психологами (см., например, дискуссии о кризисе идентичности и утрате Я как по-

вой культурной норме [40]), означает символ зеркала и «воплощается» в мозге как «точка идентификационной сборки». Но можно ли «собрать» в зеркальных нейронах осколки идентичности современного человека, устремленного в бесконечном поиске и разрушении образов Я обрести свободу от самого себя?.. С. Вейль заявляет, что «... мы не обладаем ничем иным в этом мире, — поскольку случай может все у нас отнять, — кроме способности сказать “Я”. Именно ее-то и нужно отдать Богу, то есть разрушить. Не существует никакого другого дозволенного нам свободного действия, кроме разрушения “Я”» [11, с. 54].

Резюме сказанному. Обсуждение проблемы социальной детерминации познания в культурно-исторической перспективе приводит нас к решающему выводу о том, что социальное познание — это высшая психическая функция, «распределенная» во взаимодействиях и опосредованная языками культуры, которые становятся инструментами конструирования социальных представлений о повседневной жизни общества в истории. Следует добавить, что культурно-исторические формы социального познания — это проявления «социального воображаемого», т. е. представлений общества о себе самом. На примере «зеркальных нейронов» показано, как психология заимствует иной раз значимые культурные символы, которые получают новые коннотации и становятся объяснительными концептами, а затем обретают онтологический статус «научного факта».

Эстетическая парадигма: к драматургии социального познания

В эстетической парадигме психологического исследования для анализа со-

циального познания используется язык искусства (как условно вторичный язык культуры). Для анализа массового сознания российского общества мы считаем возможным заимствовать две эстетические категории — драматургии и жанра, что обосновывается следующими рассуждениями.

Идея «социальной драматургии» принадлежит И. Гофману, который при сдержанном отношении к театральной метафоре общества признавал, что «... весь мир все-таки не театр, но определить, чем именно он отличается от театра, нелегко» [16, с. 107]. Игра актеров на социальной сцене, разумеется, регламентируется правилами, но за человеком всегда остается выбор, играть ли роль с воодушевлением или дистанцироваться от нее [6]. Г. Дебор идет еще дальше и объявляет современное ему общество *обществом спектакля*, где реальность отношений между людьми «оттесняется» в разыгрываемые образы, фантазии и представления [21], переходит в чисто психологическую плоскость «социального воображаемого», столь излюбленную французскими интеллектуалами. Какой спектакль разыгрывается в российском обществе?

«Жанр — это отстоявшаяся типологически устойчивая форма целого высказывания, устойчивый тип построения целого, кодифицированная форма действия» [5, с. 180]. Из литературоведения — от М.М. Бахтина — это понятие заимствуется теорией социальных представлений, где говорится о «речевых» или «коммуникативных» жанрах — типичных для различных ситуаций форм диалога, в которых конструируется социальное знание [59]. Эти рассуждения можно отнести не только к повседневной жизни, но и к научным концепциям, развиваемым и уточняемым в ходе полемики между оппонентными кругами (термин М.Г. Ярошевского); диа-

лог ученых разворачивается в определенной социальной и культурной ситуации развития науки, получающей «печать» умонастроений породившей ее исторической эпохи. Повседневность и наука, будучи различными формами социального познания, воспроизводят одни и те же противоречия современной им культуры.

Драматургические жанры социального познания, осмысляемые в науке и искусстве XX века, — *трагедия культуры* (Г. Зиммель) и *драма личности* (Л.С. Выготский), которые неожиданно складываются в *комедию социальной жизни* (А.П. Чехов).

Трагедия культуры заключается в том, что процесс объективизации ее содержания «... создает между субъектом и его творениями всю растущую чуждость, проникает в конце концов во внутренние переживания повседневной жизни» [46, с. 362–363]. Г. Зиммель обеспокоен тем, что по мере исторического развития общества культурные формы становятся чуждыми современной жизни [33]. Он сравнивает отчужденность культуры от жизни с пустынными дворцами и набережными Венеции: «... видимость, не оставившая за собой никакого живого смысла, все же выдает себя за что-то полноценное и вещественное, за некое содержание жизни, которую предстоит прожить в реальности» [25, с. 78–80]. Так культура становится видимостью, в которой человек безнадежно стремится обрести самоидентичность, но иного пути — вне ее символических форм — нет... (Ср.: воображаемое является принципом самоорганизации субъекта, сообщающего о познанном в искусстве [23].)

Фундирующий принцип психологии Л.С. Выготского — драма: уже в своих ранних театральных рецензиях он осмысляет механизмы художественного познания [39], среди которых несколько позже,

в «Психологии искусства» будет определен главенствующий — катарсис как развитие и уничтожение аффекта вследствие восприятия оппозиций художественного произведения (формы и содержания, фабулы и сюжета). «Поздний» Л.С. Выготский задумывал раскрыть психологию личности в эстетических категориях театра. Для этого он обратился к понятию социальной роли — «иерархии функций» (мышления и страсти), столкновение которых оборачивается драмой в жизни человека [53]. Закон происхождения высших психических функций («всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды») — это целиком драматическое взаимодействие, которое переносится во внутренний план в виде конфликта, переживаемого как факт индивидуальной судьбы [12].

Таким образом, «трагедия культуры» (по Г. Зиммелю) — неустранимое противоречие между иррациональной стихией жизни, воплощаемой и отчуждаемой в формах культуры, в которых человек стремится сотворить себя, и вне которых он не может существовать, — в интрапсихическом плане оборачивается «драмой личности» (по Л.С. Выготскому), сложной и конфликтной динамикой разных психических функций и процессов (ср.: «жизнь навсегда осталась для меня драматургически трагической проблемой» — А.Ф. Лосев). Психология социального познания — в эстетической парадигме — становится новой методологической оптикой анализа культурно-символических форм репрезентации и переживания «отчужденности» образа социального мира от познающего субъекта, эмоционально-смысловых разрывов между обществом и личностью, которые одновременно являются важнейшими механизмами их динамики и развития.

Тезис доказывается обращением к изучению социальных изменений и проблем. В современном российском обществе, согласно данным последних исследований, «правят балом» *полевые* социальные представления, что дает возможность говорить разным авторам о «ментальной дезинтеграции» [24] или о «расщеплении» [40] массового сознания, переживающего «кризис понимания реальности» в ситуации тотальной социальной неопределенности и нестабильности, причины которой «... могут заключаться в диффузности и аморфности самой структуры общества и/или подавленности публичных средств рефлексии и дискуссий» о его актуальном состоянии [17, с. 43].

Конструируемые социальные представления имеют весьма отдаленное отношение к действительности радикальных изменений и сломов, вследствие чего постсоветский и, смеем верить, пост-тоталитарный субъект социального познания не может объединить фрагменты реальности в единый образ мира, что находит отражение в бесчисленных дискуссиях, скандалах и показательных судебных разбирательствах относительно многих художественных событий, гражданских и экономических инициатив. Мир постсоветского субъекта — это мир дезориентированных тел: Е. Деготь констатирует, что «... даже советские памятники, рухнувшие с пьедесталов, предстают для постсоветского художника (такова серия фотографий Игоря Мухина *Монументы*, 1990—1995) телами: из абстракций они превращаются в гниющую, умирающую плоть реальности» [22, с. 204].

Эстетико-психологическое объяснение социального познания в двух обозначенных категориях трагедии культуры и драмы личности закономерно находит подтверждение и в современном театре, в котором именно в 2010-е гг. на зрительский суд были пред-

ставлены весьма интересные режиссерские трактовки пьес А.П. Чехова. «Вишневым садом» М. Эка переносит действие в начало 1990-х гг. — герои обсуждают Солженицына и Сталина, а у Л. Додина сад существует только на киноленте, ею и развлекаются персонажи, пока новые дачники рубят вишни для заборов (вот и «звук лопнувшей струны»). «Чайка» К. Богомолова обнажает непереносимость искусственности жизни перед реальным лицом насилия, «Три сестры» Т. Кулябина, поставленные на языке глухонемых, становятся притчей о тотальном распаде человеческой коммуникации.

За комическими обстоятельствами этих чеховских пьес (ведь их жанр был головоломкой уже для современников их автора) скрывается эстетизация текучей, предательски ускользающей повседневности (как вещно-временной меры отпущенной нам судьбы), которая является, может быть, и единственно доступной стратегией коллективного совладания с трагедией культуры и драмой личности через избегание имманентной конфликтности социальности в инфантильно-нарциссических фантазиях о жизни в «райском саду» — по крайней мере, в креслах партера [42].

Междисциплинарный анализ социального познания позволяет сделать вывод, что сейчас готовится, очевидно, III когнитивная революция, связанная с возникновением нового эстетико-психологического подхода к изучению социальных реалий, который предполагает объединение методологических усилий науки и искусства в поиске ответа на «вечный» вопрос о личностном и этическом самоопределении человека в лабиринтах общества и культуры.

Искусство — язык культуры, который позволяет осмыслить достижения нейронаук в контексте психологии социального познания. С точки зрения эстетической парадигмы, науки о мозге — это один из языков репрезентации и объяснения современности, особый вид дискурса, доминирующий в культуре нашего времени. Задача дальнейших исследований заключается в том, чтобы на основе культурно-исторического подхода разработать «словарь», который даст возможность «переводить» концепты наук о мозге / наук об обществе. Такой междисциплинарный словарь формируется в практиках современного искусства (свидетельство тому — внимание художников к нейроэстетике).

«Нить Ариадны» — интеграция различных научных и дисциплинарных представлений о человеке в эстетической парадигматике психологии — когда-то плелась на рубеже двух столетий (вспомним удивительные слова Бахтина: «проблема души методологически есть проблема эстетики» [5, с. 89]), но была оборвана капризной музой истории в сумерках после «Заката Европы», предсказанного Г. Зиммелем и А.П. Чеховым. Кажется, психология на новом уровне культурно-исторической и эстетической рефлексии «нащупала» утраченную нить в категориях жанра трагедии, драмы и комедии, отвечающих запросам и вызовам актуального исторического момента «эпохи перемен», а осмысление последней — это первоочередная задача психологии социального познания, если она все же желает остаться наукой, проблематизирующей философское понимание социальности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 304 с.
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология в пространстве современной науки и культуры [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html> (дата обращения: 16.10.2017)
4. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛО, 2017. 504 с.
5. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
6. *Бергер П.* Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
7. *Берк П.* Что такое культуральная история? М.: ВШЭ, 2015. 240 с.
8. *Бурлакова Н.С.* О новых возможностях культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология, 2012. № 2. С. 49–56.
9. *Бычков В.В.* Эстетика. М.: КНОРУС, 2012. 528 с.
10. *Вахитайн В.С.* Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012, № 6–7 (1). С. 275–281.
11. *Вейль С.* Тяжесть и благодать. М.: Русский путь, 2008. 268 с.
12. *Вересов Н.* Культурно-историческая психология Выготского: трудная работа понимания [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/be6.html> (дата обращения: 10.09.2017).
13. *Выготский Л.С.* Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–63.
14. *Герген К.* (Джерджен К.). Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003. 232 с.
15. *Глозман Ж.М., Круков П.* Социальный мозг: новая трактовка понятия // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2013. № 2. С. 121–133.
16. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
17. *Гудков Л.* Кризис понимания «реальности» // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2016. № 3–4 (122). С. 29–51.
18. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 432 с.
19. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая парадигма в психологии и социогуманитарных науках [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n48/1311-guseltseva48.html> (дата обращения: 10.09.2017).
20. *Дафермос М.* Критический анализ принятия теории Л.С. Выготского в международном академическом сообществе // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 37–46.
21. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2017. 232 с.

22. *Деготь Е.* Русское искусство XX века. М.: Трилистник, 2002. 224 с.
23. *Дубин Б.* Очерки по социологии культуры: избранное. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 912 с.
24. *Емельянова Т.П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: ИП РАН, 2016. 480 с.
25. *Зиммель Г.* Рим, Флоренция, Венеция. М.: Грюндриссе, 2014. 96 с.
26. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Юрайт, 2016. 426 с.
27. История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. 381 с.
28. *Кричевец А.Н.* Томаселло, Витгенштейн, Выготский: проблема интерпсихического // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 95–104.
29. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 620 с.
30. *Мандру Р.* Франция раннего Нового времени, 1500–1640: эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010. 328 с.
31. *Марцинковская Т.Д.* Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 37. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html> (дата обращения: 10.09.2017).
32. *Мельшиор-Бонне С.* История зеркала. М.: НЛО, 2005. 456 с.
33. *Недельман Б.* Георг Зиммель // Немецкая социология / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука, 2003. С. 161–178.
34. *Орлова Э.А.* Социальная и культурная антропология. М.: Юрайт, 2016. 338 с.
35. *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012. 222 с.
36. *Рычкова О.В., Холмогорова А.Б.* Концепция «социального мозга» как основы социального познания и его нарушений при психической патологии. Ч. I: Концепция «Социальный мозг» — продукт современной нейронауки // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 86–94.
37. *Савельева И.М.* Историческая наука в XXI веке: ключевые слова [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Гефтер. 2017. URL: <http://gefeter.ru/archive/22548> (дата обращения: 10.09.2017).
38. *Сергиенко Е.А.* Модель психического и социальное познание [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1163-sergienko42.html> (дата обращения: 10.09.2017).
39. *Собкин В.С.* Комментарии к театральным рецензиям Л.С. Выготского. М.: Институт социологии образования РАО, 2015. 568 с.
40. *Соколова Е.Т.* Утрата Я: клиника или новая культурная норма // Эпистемология и философия науки. 2014. № 3. С. 190–210.
41. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 27–40.
42. *Тхостов А.Ш.* Райский сад (структура нарциссической зависимости) // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 108–114.

43. Фаликман М.В. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. 2014. № 1 (97). С. 1–18.
44. Фаликман М.В. Новая волна Выготского в когнитивной науке: разум как незавершенный проект [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1449-falikman54.html> (дата обращения: 16.10.2017).
45. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.
46. Хабермас Ю. Зimmel как диагност времени // Избранное: созерцание жизни / Г. Зimmel. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014. С. 357–366.
47. Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6. № 4. С. 38–63.
48. Харре Р. Философия сознания // Энциклопедический словарь по эпистемологии. М.: Альфа-М, 2011. С. 400–413.
49. Холмогорова А.Б. Значение культурно-исторической теории развития психики Л.С. Выготского для разработки современных моделей социального познания и методов психотерапии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 58–92.
50. Хорошилов Д.А. Язык и эстетика в социальном познании [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1310-khoroshilov48.html> (дата обращения: 17.10.2017).
51. Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Социальная психофизиология // Психофизиология / Под ред. Ю.И. Александрова. СПб.: Питер, 2014. С. 419–437.
52. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
53. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. М.: ЛКИ, 2007. 304 с.
54. Augoustinos M., Walker I., Donaghue N. Social Cognition: an Integrated Introduction. L.: Sage, 2014. 386 p.
55. Chiao J.Y., Hariri A.R., Harada T., Mano Y., Sadato N., Parrish T.B., Iidaka T. Theory and methods in cultural neuroscience // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2010. Vol. 5 (2–3). P. 356–361.
56. Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition: from Brains to Culture. L.: Sage, 2013. 632 p.
57. Gergen K. Social psychology as history // Journal of personality and social Psychology. 1973. № 26. P. 309–320.
58. Harré R., Moghaddam F.M., Sammut G. Social psychology // Psychology for the third millennium: integrating cultural and neuroscience perspectives. L.: Sage, 2013. P. 139–165.
59. Marková I. Dialogicality and social representations: the dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
60. Psychology and history: Interdisciplinary explorations. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 306 p.
61. Valsiner J. An invitation to cultural psychology. L.: Sage, 2014. 304 p.

Social Cognition in the Mirrors of «Cognitive Revolutions»

D.A. KHOROSHILOV*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
d.khoroshilov@gmail.com

The article discusses the problem of the social determination of cognition from the point of view of «cognitive revolutions» (R. Harré) in dialogue between psychology, social theory and history, neurobiology and aesthetics. The research inquiry is the cultural-historical analysis of the social representations of the everyday life. The «aesthetic paradigm» (T.D. Martsinkovskaya) uses the art-based methods to study the cultural forms of social cognition. Theoretical discussions are illustrated by the social psychological, clinical and contemporary art research of the mass consciousness of the Russian society at the beginning of the 21st century. The article presents the experience of the genre analysis of the tragedy of culture (G. Simmel), personal drama (L.S. Vygotsky) and comedy of social life (A.P. Chekhov). The final result is a new aesthetic concept of social cognition.

Keywords: *social cognition, cognitive revolutions, cultural-historical analysis, aesthetic paradigm.*

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Humanities, project 17-06-00980 «Historical and political factors of transformation of collective memory and identity in Russian society».

REFERENCES

1. Alexander J. Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praksis, 2013. 640 p.
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 304 p.
3. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya v prostranstve sovremennoi nauki i kul'tury [Social psychology in space of modern science and culture]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2013. Vol. 6, no. 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html> (Accessed 16.10.2017)
4. Bachmann-Medick D. Kul'turnye povoroty: novye orientiry v naukakh o kul'ture [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow: NLO, 2017. 504 p.

For citation:

Khoroshilov D.A. Social Cognition in the Mirrors of «Cognitive Revolutions». *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 4, pp. 55–71. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080405

* Khoroshilov Dmitry A. — Ph.D. in Psychology, Senior Research Associate, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, d.khoroshilov@gmail.com

5. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creation]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.
6. Berger P. Priglasenie v sotsiologiyu: gumanisticheskaya perspektiva [Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective]. Moscow: Aspekt Press, 1996. 168 p.
7. Burke P. Chto takoe kul'tural'naya istoriya? [What is cultural history?] Moscow: VShE, 2015. 240 p.
8. Burlakova N.S. O novykh vozmozhnostyakh kul'turno-istoricheskogo analiza v klinicheskoi psikhologii [On new possibilities of cultural-historical analysis in clinical psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14: Psychology]*, 2012, no 2, pp. 49–56.
9. Bychkov V.V. Estetika [Aesthetics]. Moscow: KNORUS, 2012. 528 p.
10. Vakhshain V.S. Pyat' knig o postkriticheskoi sotsiologii [Five books about postcritical sociology]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]*, 2012, no, 6–7 (1), pp. 275–281.
11. Weil S. Tyazhest' i blagodat' [Gravity and Grace]. Moscow: Russkii put', 2008. 268 p.
12. Veresov N. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya Vygotskogo: trudnaya rabota ponimaniya [Cultural-historical Psychology of Vygotsky: Hard Work of Understanding]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2007, no. 85. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/be6.html> (Accessed 10.09.2017)
13. Vygotskii L.S. Konkretnaya psikhologiya cheloveka [Concrete human psychology]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14: Psychology]*, 1986, no. 1, pp. 52–63.
14. Gergen K. Sotsial'nyi konstruksionizm: znanie i praktika [Social Constructionism: Knowledge and Practice]. Minsk: BGU, 2003. 232 p.
15. Glozman Zh.M., Krukov P. Sotsial'nyi mozg: novaya traktovka ponyatiya [The social brain: New understanding]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14: Psychology]*, 2013, no. 2, pp. 121–133.
16. Goffman E. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni [The presentation Self in Every Day life]. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2000. 304 p.
17. Gudkov L. Krizis ponimaniya «real'nosti» [A Crisis of Understanding «Reality»]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: dannye, analiz, diskussii [The Russian Public Opinion Herald: Data. Analysis. Discussions]*, 2016, no. 3–4 (122), pp. 29–51.
18. Gurevich A.Ya. Istoricheskii sintez i Shkola «Annalov» [Historical Synthesis and The School of Annales]. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, Universitetskaya kniga, 2014. 432 p.
19. Gusel'tseva M.S. Kul'turno-istoricheskaya paradigma v psikhologii i sotsiogumanitarnykh naukakh [Cultural-historical paradigm in psychology and social sciences and humanities]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2016. Vol. 9, no. 48. Available at: <http://psystudy.ru/num/2016v9n48/1311-guseltseva48.html> (Accessed 16.10.2017)
20. Dafermos M. Kriticheskii analiz prinyatiya teorii L.S. Vygotskogo v mezhdunarodnom akademicheskom soobshchestve [Critical Reflection on the Reception of Vygotsky's Theory in the International Academic Communities]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical psychology]*, 2016. Vol. 12, no. 3, pp. 37–46.

21. Debord G. Obshestvo spektaklya [The Society of the Spectacle]. Moscow: Opustoshitel', 2017. 232 p.
22. Degot' E. Russkoe iskusstvo XX veka [Russian art of the XX century]. Moscow: Trilistnik, 2002. 224 p.
23. Dubin B. Ocherki po sotsiologii kul'tury: izbrannoe [Sociology of Culture: Selected Works]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 912 p.
24. Emel'yanova T.P. Sotsial'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya [Social Representations: History, Theory and Empirical Studies]. Moscow: IP RAN, 2016. 480 p.
25. Simmel G. Rim, Florentsiya, Venetsiya [Rome, Florence, Venice]. Moscow: Gryundrisse, 2014. 96 p.
26. Ionin L.G. Sotsiologiya kul'tury [Sociology of Culture]. Moscow: Yurait, 2016. 426 p.
27. Istoriya i psikhologiya [History and Psychology]. In B.F. Porshnev, L.I. Antsyferova (Ed.). Moscow: Nauka, 1971. 381 p.
28. Krichevets A.N. Tomasello, Vitgenshtein, Vygotskii: problema interpsikhicheskogo [Tomasello, Wittgenstein, Vygotsky: The Problem of Interpsychic]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical psychology]*, 2012, no 3, pp. 95–104.
29. Losev A.F. Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii [Ancient Mythology in Its Historical Development]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1957. 620 p.
30. Mandrou R. Frantsiya rannego Novogo vremeni, 1500–1640: esse po istoricheskoi psikhologii [France Early Modern Times, 1500– 640. Essay in Terms of Historical Psychology]. Moscow: Territoriya budushchego, 2010. 328 p.
31. Martsinkovskaya T.D. Sotsial'naya i esteticheskaya paradigmy v metodologii sovremennoi psikhologii [Social and Aesthetic Paradigms in Methodology of Modern Psychology] // *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2014. Vol. 7, no. 37. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n37/1046-martsinkovskaya37.html> (Accessed 16.10.2017)
32. Melchior-Bonnet S. Istoriya zerkala [History of Mirror]. M.: NLO, 2005. 456 p.
33. Nedelman B. Georg Zimmel [Georg Simmel]. In R.P. Shpakova (Ed.). *Nemetskaya sotsiologiya [German Sociology]*. St. Petersburg: Nauka, 2003, pp. 161–178.
34. Orlova E.A. Sotsial'naya i kul'turnaya antropologiya [Social and Cultural Anthropology]. Moscow: Yurait, 2016. 338 p.
35. Rizzolatti G., Sinigaglia C. Zerkala v mozge: o mekhanizmaxh sovmestnogo deistviya i soperezhivaniya [Mirrors in the Brain: How Our Minds Share Actions, Emotions and Experience]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. 222 p.
36. Rychkova O.V., Kholmogorova A.B. Kontseptsiya «sotsial'nogo mozga» kak osnovy sotsial'nogo poznaniya i ego narushenii pri psikhicheskoi patologii. Chast' I: Kontseptsiya «Sotsial'nyi mozg» – produkt sovremennoi neironauki [Social Brain Concept as a Basis for Social Cognition and Its Deficits in Mental Disorders. Part I. «Social Brain»: Product of Modern Neuroscience]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical psychology]*, 2012, no. 3, pp. 86–94.
37. Savel'eva I.M. Istoriicheskaya nauka v XXI veke: klyuchevye slova [Historical science in 21 century: keywords]. *Gefter [Gefter]*, 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/22548> (Accessed 16.10.2017)

38. Sergienko E.A. Model' psikhicheskogo i sotsial'noe poznanie [Theory of Mind and Social Cognition]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2015. Vol. 8, no. 42. Available at: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1163-sergienko42.html> (Accessed 16.10.2017)
39. Sobkin V.S. Kommentarii k teatral'nym retsenziyam L.S. Vygotskogo [Comments on L.S. Vygotsky's Theatrical Reviews]. Moscow: Institut sotsiologii obrazovaniya RAO, 2015. 568 p.
40. Sokolova E.T. Utrata Ya: klinika ili novaya kul'turnaya norma [Loss of Self: Clinical Phenomena or New Cultural Norm?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]*, 2014, no. 3, pp. 190–210.
41. Stefanenko T.G. Sotsial'naya psikhologiya v kul'turno-istoricheskoi perspektive [Social Psychology in Cultural-historical perspective]. In G.M. Andreeva, A.I. Dontsov (Ed.). *Sotsial'naya psikhologiya v sovremennom mire [Social Psychology in Modern World]*. Moscow: Aspekt Press, 2002, pp. 27–40.
42. Tkhostov A.Sh. Raiskii sad (struktura nartsissicheskoi zavisimosti) [Paradise Garden: The Stricture of Narcissistic Addiction]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2007. Vol. 28, no. 3, pp. 108–114.
43. Falikman M.V. Kognitivnaya nauka: osnovopolozheniya i perspektivy [Cognitive Science: its Foundations and Challenges]. *Logos [Logos]*, 2014, no. 1 (97), pp. 1–18.
44. Falikman M.V. Novaya volna Vygotskogo v kognitivnoi nauke: razum kak nezavershennyi proekt [New Vygotskian Wave in Cognitive Science: the Mind as an Unfinished Project]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2017. Vol. 10, no. 54. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1449-falikman54.html> (Accessed 16.10.2017)
45. Falikman M.V., Cole M. «Kul'turnaya revolyutsiya» v kognitivnoi nauke: ot neironnoi plastichnosti do geneticheskikh mekhanizmov priobreteniya kul'turnogo opyta [«Cultural Revolution» in Cognitive Science: From Neuroplasticity to Genetic Mechanisms of Acculturation]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical Psychology]*, 2014. Vol. 10, no. 3, pp. 4–18.
46. Habermas J. Zimmel' kak diagnost vremeni [Simmel as Diagnost of Time]. Izbrannoe: sozertsanie zhizni [Selected Works: Contemplation of Life]. G. Simmel. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2014, pp. 357–366.
47. Harré R. Gibridnaya psikhologiya: soyuz diskurs-analiza s neironaukoi [Hybrid Psychology: The marriage of Discourse Analysis with Neuroscience]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]*, 2005. Vol. 6, no. 4, pp. 38–63.
48. Harré R. Filosofiya soznaniya [Philosophy of Mind] // Entsiklopedicheskii slovar' po epistemologii [Dictionary of Epistemology]. Moscow: Al'fa-M, 2011, pp. 400–413.
49. Kholmogorova A.B. Znachenie kul'turno-istoricheskoi teorii razvitiya psikhiki L.S. Vygotskogo dlya razrabotki sovremennykh modelei sotsial'nogo poznaniya i metodov psikhoterapii [Significance of Cultural-Historical Theory of Psychological Development of L.S. Vygotsky for the Development of Modern Models of Social Cognition and Psychotherapy]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2016. Vol. 12, no. 3, pp. 58–92.

50. Khoroshilov D.A. Yazyk i estetika v sotsial'nom poznanii [Language and Aesthetics in Social Cognition]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2016. Vol. 9, no. 48. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1310-khoroshilov48.html> (Accessed 16.10.2017)
51. Shekhter E.D., Chernorizov A.M. Sotsial'naya psikhofiziologiya [Social Psychophysiology]. In Y. Aleksandrov (Ed.). *Psikhofiziologiya [Psychophysiology]*. St. Petersburg.: Piter, 2014, pp. 419–437.
52. Schütz A. Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom [Selected Works: The World Glowing Sense]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 1056 p.
53. Yaroshevskii M.G. L.S. Vygotskii: v poiskakh novoi psikhologii [Vygotsky in Search of a New Psychology]. Moscow: LKI, 2007. 304 p.
54. Augoustinos M., Walker I., Donaghue N. Social Cognition: an Integrated Introduction. L.: Sage, 2014. 386 p.
55. Chiao J.Y., Hariri A.R., Harada T., Mano Y., Sadato N., Parrish T.B., Iidaka T. Theory and methods in cultural neuroscience. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2010. Vol. 5 (2–3), pp. 356–361.
56. Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition: from Brains to Culture. L.: Sage, 2013. 632 p.
57. Gergen K. Social psychology as history. *Journal of personality and social Psychology*, 1973, no. 26, pp. 309–320.
58. Harré R., Moghaddam F.M., Sammut G. Social psychology. Psychology for the third millennium: integrating cultural and neuroscience perspectives. L. Sage, 2013, pp. 139–165.
59. Marková I. Dialogicality and social representations: the dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
60. Psychology and history: Interdisciplinary explorations. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 306 p.
61. Valsiner J. An invitation to cultural psychology. L. Sage, 2014. 304 p.